

Судьба Н.М. Языкова сложилась так, что он не завел собственной семьи. Восприемником его дела можно считать племянника, Михаила Александровича, сына старшего брата поэта. Получивший блестящее образование, Михаил Александрович стал довольно известным в литературных кругах в начале 50-х годов. Его общественное положение и немалое состояние позволяли поддерживать целый ряд журналов и параллельно со службой заниматься издательской деятельностью. Михаил Александрович близко сошелся с Белинским и Панаевым, вошел в число сотрудников журналов «Отечественные записки», «Современник», «Неделя», «Исторический вестник», постоянно общался с выдающимися писателями того времени – И.А. Гончаровым, Н.А. Некрасовым, Л.Н. Толстым, И.С. Тургеневым и многими другими. Его имя вошло в литературные воспоминания П.В. Анненкова, И.И. Панаева, А.Я. Панаевой. Последние годы жизни он провел в Петербурге и был погребен на Волковом кладбище. Дети же его оказались в Москве, где прошли страшный круг мытарств и унижений. О горестных этих судьбах – рассказ московского исследователя Александра Трофимова.

Страшный круг

Дом № 6 по Малому Толмачевскому переулку, в котором прошли первые годы моей жизни, был ничем не примечателен среди небольшого ряда многоэтажных домов Замоскворечья.

Судьба на короткое время связала нашу семью с замечательными людьми, давшими направление моему воспитанию и оказавшими влияние на выбор дальнейшего жизненного пути. То были внучатые племянницы поэта Николая Михайловича Языкова, в квартиру к которым поселили моих родителей.

Сестер было четверо: Агриппина Михайловна – старшая, Елизавета и Ольга – средние по возрасту, Мария – младшая. Агриппине Михайловне ко времени нашего знакомства было 70 лет, Марии Михайловне – 56. Все они получили прекрасное воспитание и образование в Смольном институте. Не будучи внешне особо привлекательными, обладая независимым нравом, они, кроме Ольги Михайловны, не смогли, как тогда говорили, составить подходящей партии, и материнское начало обратили на чужих детей, посвятив себя педагогической деятельности. Агриппина, Елизавета и Мария более четверти века преподавали в 3-й женской гимназии, размещавшейся в доме № 19, в бывшей купеческой усадьбе на Большой Ордынке.

Квартира в Малом Толмачевском переулке, которую они занимали до уплотнения, состояла из четырех комнат, ванной, кладовой, прихожей и коридора, ведущего в кухню со старинной чугунной плитой.

Дом принадлежал до революции коннозаводчице Исаковой.

Его фундамент оказался настоль-

А.М. Языкова

О.М. Языкова

Е.М. Языкова

ко крепким, что в 1936 году «Дальстрой» возвел еще три этажа для квартир сотрудников НКВД, находившихся во временной командировке «по освоению бескрайних просторов Колымской земли».

К моменту въезда моих родителей в Малый Толмачевский в 1926 году квартира Языковых была уже перенаселена. К Агриппине Михайловне, жившей здесь до 1918 года со своей парализованной сестрой Елизаветой Михайловной, приехала из Смоленска Ольга Михайловна, из Симбирска – Мария Михайловна, из Рязани – брат Павел, и, наконец, поселилась племянница Языковых – Александра Сергеевна Гевлич. Моим родителям выдали ордер на одну из самых больших комнат, смежную с гостиной.

В скором времени произошло второе уплотнение квартиры: в маленькую комнату для прислуги, где размещалась Александра Сергеевна Гевлич, въехала семья пожарного.

Первой моей воспитательницей и наставницей была Елизавета Михайловна, уже долгие годы прикованная к креслу. Несчастье с ней произошло в бурные дни Октябрьского переворота. К ним ворвались с обыском неизвестные лица и потребовали сдачи ценностей. Угрожая оружием, они «помогали» освободиться от фамильных драгоценностей. Елизавета Михайловна, когда грабители выдирали серьги из ушей, от боли лишилась сознания. Придя в себя, она поняла, что ног своих не ощущает. В результате пережитого потрясения она на всю жизнь, полную крайней нужды, осталась инвалидом. Тем не менее, обладая сильной волей, она заставляла себя не только заниматься

иностранными языками с детьми, приходившими к ней на уроки, но и выполнять все необходимые домашние обязанности, передвигаясь в кресле на колесах.

Когда я стал входить в сознательный возраст, она решила приобщить меня к искусству и литературе: показывала старинные гравюры, читала вслух стихи Пушкина, Жуковского, Языкова, Баратынского и отрывки из «Записок охотника». Тургенева она особенно любила и надеялась, что, когда я подрасту, Иван Сергеевич станет и моим любимым писателем. Елизавета Михайловна рассказывала моей маме о мимолетной встрече с Тургеневым в пору своей юности, когда писатель посетил ее отца по каким-то делам. Ей на всю жизнь запомнилось лицо чрезвычайно красивого человека с волной седых волос и светлым, пронизательным взглядом.

Беседы с Елизаветой Михайловной открыли мне мир гармонии и красоты. Грезы, рождаемые ее рассказами, становились почти явью в сказочной обстановке большой гостиной с таинственным блеском хрусталиков старинной люстры. Это фантастическое состояние покидало меня лишь с появлением после тяжелого трудового дня остальных членов семьи. В гостиной их ждал скудный обед, заменявший им и ужин, приготовленный Елизаветой Михайловной из домашней лапши. За столом сестры делились впечатлениями о прошедшем дне, переходя на французскую речь. Ольга Михайловна обладала веселым и общительным нравом. Она была единственной в этой семье замужней женщиной. Ее муж, Замысловский, до революции был известным в России по многим крупным процессам присяжным поверенным. После страшных событий 1917 года она, лишившись мужа и смоленского имения, приехала в Москву. В гостиной, за ширмой, как и Гавлич, занимала свой угол, где стояли кровать, этажерка с книгами, рукомойник, а над кроватью висел образ Спасителя, перед которым горела лампадка.

Однажды, возвратившись с мамой от бабушки, мы оказались свидетелями конца крысиного пиршества в кухне вокруг перевернутой языковской кастрюли. Пересиливая отвращение, я схватил щетку. Крысы с писком устремились за огромную плетеную корзину. Когда мы ее исследовали, то оказалось, что они добрались и до гравюр, привезенных

Елизаветой Михайловной из Италии.

Я остановился не случайно на этом, характерном для того времени, эпизоде. Отвратительные существа, живущие по определенным законам природы, служат своеобразным барометром надвигающейся катастрофы и различных бедствий, посещающих человека.

Мама старалась не оставлять меня одного, напуганная в свое время трагическим случаем в родильном доме 1-й Градской больницы, когда по недосмотру няньки крысы съели моего соседа по кровати – новорожденного младенца.

В один из осенних дней мы с мамой переходили Малый Каменный мост и вдруг увидели необыкновенное смятение в толпе; остановились трамваи, извозчики. Ломовики, ругаясь, еле сдерживали лошадей, норовивших свернуть с мостовой в сторону. По освободившейся от транспорта мостовой, царапая когтями о камни, двигался огромный косяк крыс под предводительством седого вожака. Никто не смел приблизиться к этой смертоносной лавине.

Эпизод с кастрюлей лапши, съеденной крысами, был обыденностью, а не трагедией, но несчастные Языковы лишились пищи на целые сутки, поскольку возместить уничтоженное было не так просто в их положении «лишенок», что означало в то время лишение всех прав на существование, включая прописку в Москве и выдачу продовольственных карточек. Они могли быть выселены из Москвы по распоряжению любого властного лица. Перспектива покупки «вины» – рождения в дворянской или купеческой семье – оставалась у молодежи, которой надлежало отработать определенное количество лет на производстве или пройти службу в Красной Армии. Люди же старшего поколения обречены были быть «виноватыми» до конца жизни. Пример тому – еще один член семьи Языковых, Павел Михайлович, казавшийся мне тогда незаметным существом.

П.М. Языков с женой
княгиней Е.Д. Оболенской, 1886 г.

Я видел Павла Михайловича в те редкие часы, когда после робкого стука в дверь нашей комнаты он появлялся у нас с низжайшей просьбой одолжить одну папиросочку. Склонив набок голову, он протягивал дрожащую руку и, получив желаемое, со словами благодарности осторожно затворял за собой дверь. Мне трудно было поверить, что каких-нибудь 13-14 лет назад Павел Михайлович Языков был вице-губернатором Рязани. Образование он получил на юридическом факультете Московского университета. По большой взаимной любви женился на княгине Екатерине Оболенской и прожил с ней счастливо 30 лет. В 1917 году Екатерина Дионисиевна поехала навестить своего больного отца. Там, вместе с князем Д.М. Оболенским, она была расстреляна во время погрома имения.

Европейски образованный человек, разделявший гуманные идеи XIX века, Павел Михайлович был изгнан из собственного дома ватагой пьяных солдат и, добравшись зимой в одном мундире до Москвы, теперь торговал спичками на Болотном рынке, добывая себе пропитание. После сильного ушиба от удара саней какого-то лихача он умер.

После смерти брата Агриппина Михайловна начала уборку ванной комнаты и вынесла оттуда в коридор папки с пожелтевшими от времени листами бумаги. Когда мама попыталась посмотреть, что находится в этих папках, Агриппина Михайловна ответила, что это – переписка поэта Языкова с близким ему кругом литераторов, в том числе и Пушкиным. Мама изумилась, что все эти драгоценные для истории материалы хранятся в таких условиях. Попытка Языковых продать эти бесценные документы Третьяковской галерее не увенчалась успехом.

Некоторое оживление в сумеречную жизнь семьи Языковых вносила их дальняя родственница – Александра Гевлич. Это была еще молодая и миловидная женщина, занимавшаяся живописью. Она существовала тем, что писала на фанере домашних животных. Затем выпиливала лобзиком их силуэты и сдавала за гроши в одну из артелей детской игрушки, находившуюся на большой Полянке. Я восхищался этим процессом. Видя мое пристрастие к рисованию, Александра Сергеевна по просьбе мамы согласилась со мною заниматься. Она усаживала меня рядом с собою и задавала темы из жизни животных,

каждый раз объясняя, как рисовать лошадь, корову или барана.

Александра Сергеевна вышла из старинной дворянской семьи. Ее прадедом был Ксенофонт Павлович Гевлич, участник Отечественной войны 1812 года, сподвижник генерала А.П. Ермолова. Проявив исключительные способности к рисованию, она была отправлена родителями в Италию, где получила образование в Болонской академии; жила долгое время в Риме и перед первой мировой войной вернулась в Россию.

В нашей семье хранился ее этюд — «Лошади». После моего возвращения из эвакуации в 1943 году, к величайшему огорчению, я его не нашел, как и многое другое, что мне напоминало о замечательном периоде моей жизни рядом с Языковыми.

Умерла Александра Сергеевна весной 1932 года, когда согретый лучами солнца сошел снег, и в комнаты со свежим потоком воздуха вошло тепло. Она лежала за ширмами в темном углу гостиной и просила окружающих приподнять ее, чтобы последний раз увидеть в окне пробуждающуюся от долгого зимнего сна природу. С кончиной Александры Сергеевны я, кажется, впервые задался вопросом, что такое смерть и почему она уносит таких людей, как Гевлич.

Удары судьбы привели несчастных сестер к полному разочарованию в жизни. Последней каплей в чаше отчаяния стало их ограбление во время праздника Пасхи. Мария Михайловна попросила некую Ольгу — родственницу въехавшего пожарника — перед праздником вымыть и натереть в ее комнате пол. Та выполнила просьбу и, воспользовавшись отсутствием Языковых в день Пасхальной службы, залезла в комнату Марии Михайловны и похитила из шкапулки последние драгоценности, привезенные в свое время из симбирского имения. Отчаянию Языковых не было предела, они бегали эти реликвии до дня своей кончины и рассчитывали расстаться с ними в последний час жизни.

По совету моего отца, Агриппина Михайловна обратилась в МУР, но вместо помощи оттуда посыпались угрозы. Языковым напомнили об их происхождении. Если бы сестры не были религиозны, они, уставшие от глумления и издевательств, лишили бы себя жизни.

Во время прогулок или по дороге к бабушке на Пятницкую я слушал

рассказы мамы о старых московских домах и усадьбах, не задумываясь, откуда она все это знает, и только позднее понял: из книг библиотеки Языковых. Хранились они в основном в кладовой при кухне, но избранная и постоянно читаемая литература находилась в гостиной, в огромном шкафу черного дерева, украшенном львиными головами, поддерживавшими его тяжелый карниз. Из этого шкафа маме давали читать книги, связанные с историей московских дворянских и купеческих фамилий. Это были издания в дорогах, тисненых золотом переплетах, выпущенные к 300-летию Дома Романовых или другим годовщинам.

Как это ни прискорбно, но мои родители пришли к мысли о переезде в квартиру. Причиной тому была психологическая обстановка, возникшая в связи со вторым уплотнением квартиры семьей пожарного. Агрессивные выпады со стороны главы семьи Алексея, его супруги Ульяны и ее брата Лаврентия стали невыносимыми. Лаврентий, не успев приехать из деревни, устроился работать в Бутырскую тюрьму, где, судя по его вечно пьяному состоянию и значку «Ворошиловский стрелок», ловко нажимал на курок. По вечерам, а иногда в дневное время, сидя в исподнем в коридоре, на языковском сундуке, произносил угрожающие тирады в адрес бедных старушек и моего отца. Замечания отца по поводу его непристойного поведения вызывали в нем особую ярость. При этом он вскакивал с сундука, выплевывал сигарку и, рассекая воздух руками, показывал отцу, что ждет в недалеком будущем всех живущих в этой квартире интеллигентов.

В один из майских дней отец объяснил мне, что нашел подходящий ва-

риант для обмена комнаты. Она находилась на Большой Полянке в старом двухэтажном флигеле, стоявшем в глубине двора в окружении огромных лип и зарослей сирени. На его фронтоне красовался герб, свидетельствовавший о знатности бывших его владельцев. Тишина и покой должны были, казалось, сопутствовать нашей дальнейшей жизни, но мне не хотелось покидать Языковых. Я не представлял себе жизни без Елизаветы Михайловны, без всей этой уютной обстановки квартиры, навевавшей представления о тургеневской эпохе, и без чудного образа мадонны Рафаэля. Это была великолепная копия XIX века, огромных, как мне тогда казалось, размеров, купленная Языковыми в Риме. Она являлась предметом семейной гордости. Агриппина Михайловна не раз говорила моей маме, что даже потеря имени в Симбирской губернии не доставляла столько переживаний, как возможность потери этого великолепного произведения искусства.

В 1937 году мы с мамой видели Агриппину Михайловну в последний раз. Она шла к вечерней службе в церковь Григория Неокесарийского. По ее облику чувствовалось, что она делает усилия, чтобы продолжать жизнь. Прежняя энергия, которая ей была свойственна, совершенно иссякла. Я почувствовал, что мама испытывает неловкость. Наверное, мы не должны были покидать эту семью. Без нас бедные женщины лишились последней моральной опоры. Агриппина Михайловна после обычных вопросов о самочувствии перевела взгляд на меня и, погладив по голове, пожелала успехов в рисовании, перекрестила и, попрощавшись, медленно побрела к Старомонетному переулку, где стоял храм Григория Неокесарийского.

Спустя два года от сестры отца мы узнали, что Агриппина Михайловна Языкова скончалась. Похоронили ее на Даниловском кладбище, где вскоре вечное успокоение нашли и ее сестры.

Безнадежно больная Елизавета Михайловна ушла из жизни последней: никем не навещаемая, она умерла от голода в собственном кресле в ноябре 1941 года.

С нашим переездом из Малого Толмачевского переулка порвалась связь времен, реально коснувшаяся нашей семьи: Языковы представляли один из просвещеннейших и гуманнейших веков в истории России.

Церковь Григория Неокесарийского на Б. Полянке